

РОДОСЛОВНАЯ ВЕТВЬ НАДЛОМИЛАСЬ...

Много воды утекло, но и ныне с теплом вспоминаю нашу с Владимиром Фалеевым и Николаем Малашичем поездку в конце 1970-х в Погар, что на Брянщине. Там, недалеко от родной его черниговской лесистой глухомани, жила сестра Николая. И он обрел тихую пристань в доме тещи, напротив. Через заливной луг, который, приезжая, Николай помогал косить родным, мимо криницы мы ходили купаться в прозрачной задумчивой Судости. Над белым песчаным обрывом противоположного берега темнела сосновая роща. Согретым июльским теплом, мягкой, родной красотой языческой природы, нам хотелось раствориться в ней. Ложились на душу простые, но емкие строки Малашича:

Эти луга и поля, и леса
с небом единым!
Кажется, с ними я буду и сам
неповторимым.
.....
В речку войду — а она волшебством
силы прибавит!
Над головой покачает крылом
медленный аист...

Здесь, как и в недалеком его Перелюбе, все ему было близким и понятным, таким же родным. Здесь подрастали его дети, здесь выливались строки:

Сад синеватый.
Травы в росе.
Парень от хаты
Гонит гусей.
Красные лапки —
Точно флажки.
Делают часто-
Часто шажки.
.....
Ах, пацанва! Я беру его на руки,
Я прижимаю парнишку к груди.

Глазки гусыни горят, как фонарики,
Вскинула голову: «Не подходи!»

Да не волнуйся, отдам я хозяина!
Вот лишь армейский значок прикручу.
Да приласкаю. Да, может быть, заново
Так улыбаться, как он, научусь.

Разве могли мы подумать, что из-за чьей-то корысти застолбят, перекроют границу между Погаром и Перелюбом? Разрежут от века единое пространство русского народа? Натравят для того выпестованное, перенявшее от поляков веру в свое превосходство над «восточными» народами западенское окраинство колонизировать русское население Новороссии и Малороссии, закрывать русские школы, пытаться насильно отучать от родного языка. Будут заставлять стрелять в своих братьев ради того, чтобы в Донбассе или Крыму насаждала мову какая-либо марионетка, вроде Зеленского или Порошенка.

В Погар Малашич тогда прилетел в отпуск из забайкальской Борзи. Судьба не баловала Николая. Голодное военное и послевоенное детство, сельская нужда и неустроенность. Работа в колхозе со школьных лет. По совету малороссийского крестьянина отца — «там хоть голодать не будешь» — поступил в Прибалтийское военно-техническое училище ПВО. Перед выпуском из училища, как он рассказывал, в его тумбочке нашли неуставную тетрадь со стихами. Долго исследовали на предмет — не зашифрованы ли в ней секретные сведения, не шпион ли? Не найдя ничего, раздосадованное начальство отправило нестандартного выпускника служить подальше, в Заполярье, на полуостров Рыбачий, чтобы отбить охоту к стихотворным опытам.

Полуостров Рыбачий.
Лето. Камни. Дожди.
Был я юный и зрячий,
Видел все впереди.
Видел светлые дали,
Видел ясные дни.
И таскал чемоданы,
Затянув их в ремни.
И таскал за собою
И жену, и детей.
Был доволен судьбою
И другой не хотел.

Но поэт, как сказал Есенин, — это божья дудка. Так и этот юный лейтенант, ощутив призвание, упорно шел к его воплощению. Не остановили ни изматывающие боевые дежурства и учения, ни неустроенность быта, ни свинское отношение начальства. Особенно старался вышестоящий политработник, некий Гунар Лазер. Николай вспоминал: «Что он только ни проделывал, чтобы стихов моих (совсем безобидных!) не печатали. И писал в редакции, и звонил, и требовал на месте от командиров, чтобы «принципиальнее» подходили при оценке моих знаний и навыков». Несмотря на все старания Лазера, Николаю в 1968 году удалось вырваться в Севастополь на Первое Всероссийское совещание молодых писателей, пишущих на военно-патриотическую тему. Там он нашел понимание в семинаре, одним из руководителей которого был мой отец, поэт Дмитрий Ковалев. С тех пор между ними установились дружеские отношения. Малашич был единодушен с моим отцом в том, что «поэзия никому, кроме дельцов и деляг, легко не давалась, но то и не поэзия». На совещании Николай получил рекомендацию для поступления в Литературный институт. Однако ему продолжали ставить палки в колеса, не отпускали сдавать вступи-

тельные экзамены. Заочное отделение института ему удалось окончить лишь в 1976 году.

Послушаем самого поэта: «В Воронежском книжном издательстве готовилась к выходу моя первая книжечка стихов. Первая потому, что в 1970 году в Мурманске моя рукопись, занявшая еще в 1968 году первое место среди представленных на конкурс книг и запланированная на 1970 год, так и не вышла. Директор издательства Борис Александрович Тимофеев прислал письмо: “В связи с переводом Вас на новое место службы, Ваша книга не может быть изданной. Мы издаем местных авторов”.

То была, как я понял, неправда. Вместо моей книги была издана книга стихов Григория Остера из Ялты, отслужившего на Севере в муззвезде около двух лет и на то время там уже не служившего... Григорий Остер однажды появился в Литинституте. Оказалось, творческого конкурса он не прошел, стихи были слабы, и на факультет поэзии его не взяли. Я попросил показать ту книжку за 1970 год. Хотел посмотреть, какова была бы моя книжка, занявшая первое место в конкурсе. Гриша показал. Но когда я начал читать первое попавшееся стихотворение, отобрал ее со словами: “Стихи плохие, на Севере ведь писал. Что там хорошего напишешь...” Меня он принял за студента-москвича. А потом бодро добавил: “Вот сейчас пойду с руководителем семинара драматургии пьесу в кафе писать...” Я ничего ему не сказал, только проводил глазами две фигуры, удаляющиеся в направлении кафе “Лира”...»

Перевороты в жизни общества не возникают внезапно. Они вызревают незаметно, исподволь. И Николай Малашич как истинный поэт чувствовал надвигающуюся грозу еще тогда. Послушаем его: «Последний раз приезжал в свое село на Черниговщину — в школе разговаривал с золотыми медалистами, с талантливыми учениками. Бояться поступать в престижные ВУЗы в Москве: на факультеты медицинские, физики, в МГУ, в Бауманский. Не знают русский язык. Кто лишил их права на образование? Ведь столько знаменитых выходцев из Украины подняли высшие учебные заведения Москвы!... Помню, в послевоенные годы все фронтовики говорили только на русском языке по всей нашей области. И попробуй было сказать дурное о России. Разжигание неприязни в среде по сути одного народа на языковой почве — преступление.

В 1969 году в Москве состоялось V Всесоюзное совещание молодых писателей. Был там и Иван Драч — поэт. Он, кажется, руководил Ленинским Союзом Молодежи всей Украины, я зашел к нему отметить творческую командировку и услышал:

— Мыколо, нащо ты зрадыв українську мову?

Прекрасно зная стихотворчество Драча и еще более понимая, что таланту язык не преграда, я тут же ему ответил:

— Ваня, если бы я писал на украинском языке, тебя бы на это совещание не пригласили. Кто-то один из нас прошел бы конкурс.

Ничего не ответил Иван. У него карьера была на первом месте».

Судьба распорядилась поэту дожить до часа, ради которого старались драчи и лазеры, чтобы с горечью написать:

Николай Малашич

Для себя жить совсем не умели,
Ни стяжать, ни копить, ни хватать...
Неожиданно все поумнели —
В облаках перестали витать.

Неожиданно жизнь усложнилась,
Воспылал мировой непокой.
Родословная ветвь надломилась,
Обнаружив дешевый прокорм.

Общий дом разобрали на щепки.
Напряглись молодые умы:
Мол, не то вы построили, предки,
А вот «то» создадим только мы.

Засвистели метельные речи,
Забродило сознание толпы.
Перестроились. Долго ль, умеючи.
Стали все — для себя — неглупы...

Эту землю легко разбазарить
Под жестокий словесный погром,
Чтоб потом к неразумным хазарам
Собираться идти на поклон.

О таком мы и думать не смели,
Охраняя родные края.
Для себя жить совсем не умели,
Умирая за други своя.

Михаил КОВАЛЁВ

Николай Ильич Малашич (1940–2014) родился в селе Перелюбе Холмынского (ныне Корюковского) района Черниговской области. Стихи начал писать с 12 лет. После окончания Перелюбской средней школы в 1958 году работал в колхозе «Заря» разнорабочим. В 1959 году поступил в Прибалтийское военнотехническое училище войск ПВО и окончил его в 1962 году. Служил на Крайнем Севере (полуостров Рыбачий (1962–1968 годы), в Воронеже (1968–1976 годы), Чите (1976–1978), городе Борзе Читинской области (1978–1982 годы), в ГДР (1982–1987). С 1990 по октябрь 1993 года работал в Верховном Совете помощником Председателя Комитета по радиационной безопасности. В 1976 году заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького, защитив диплом с отличием. Издал книги «Обнова», «Благоговей!», «Рубеж», «Совесть», «Жизнь и похождения русского офицера», «Бесстрашие любви», «Дороги Родины», «Гостеванье». Печатался в журналах «Север», «Наш современник», «Москва», «Советский воин», «Молодая гвардия», «Байкал», «Подъём», в альманахах «Поэзия», «За Родину!», в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Красная звезда», в сборниках и альманахах Москвы, Воронежа, Ленинграда, в газетах Мурманска, Архангельска, Североморска, Ленинграда, Оренбурга, Читы, Воронежа и др. Стихи переводились на немецкий и чешский языки, публиковались в журналах Берлина и Праги. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Член Союза журналистов СССР с 1981 года. Член-корреспондент Российской академии поэзии с 2005 года.

* * *

Был и я когда-то молод,
Пел любимой по весне.
Опрокинулся мой голос,
Будто месяц на волне.

Завороженный печалью,
Я теперь не знаю сам,
То ль пою, то ль подпеваю
Одиноким голосам.

Дальше — больше буду шляться
У сверкающей воды,
Чтобы видеть отблеск счастья
Кроме горя и беды.

* * *

Осень пришла. И дожди, и ветра.
В поле труднее уже бездорожье.
Не возражаю я — Богу пусть Божье,
Пусть будет в Божьем больше добра!

Как я выращивал свой урожай!
Отдано столько золоту зерен!
Господи! Если я в чем-то хоть волен,
Взять мне свое на земле не мешай!

Хлынули сверху потоки воды,
Ветер пронесся, как шепот зловещий:
«Слишком наивно ты смотришь на вещи,
Лишь после смерти воздам за труды!»

Грузно плывут облака надо мной.
Жизнь моя! Есть ли еще что дороже?!
Только по осени на бездорожье
Я не стою и за этой ценой!..

* * *

Когда остаток сил
Вселенная отнимет,
И глаз живая синь
Безжизненно застынет,

Скажите, что певец
Был путником случайным,
Что прост его конец,
Но труд исполнен тайны.

Мутные реки уже в берегах.
 А над окрестностью — ястреба клетот.
 Чуткая цапля на длинных ногах
 Обосновалась, видать, недалеко,

Долго и гордо стоит у реки.
 Рядом пасутся коровы и кони.
 Кто-то к березе прибил козырьки —
 Капает сок и уходит под корни.

Тот, кто прибил их, — он не был жесток...
 Просто я слишком стал сентиментален.
 Разве он был когда, мир, идеален?
 Капает сок и уходит в песок...

* * *

Все реже слышу — Родина поет.
 Все чаще слышу — Родина рыдает.
 Как будто ждет того, кто к ней придет.
 Надеется, авось не опоздает.

Отдали мы, ограбив, оскорбив,
 Как мать родную в дом для престарелых,
 Но ждет она и ждет, нам все простив —
 От грабежей и до речей незрелых.

В какой угар мы кинули себя!
 Какой разгул ввезли из-за кордона!
 Ах, сколько было злата-серебра!
 Мы все его повынесли из дома!

Все больше гарь летит из-под колес.
 Все меньше доли светлые струятся.
 Все мельче души, как все мельче плес,
 Где родники уже не серебрятся.

Все ниже, ниже, ниже мой полет.
 Все выше, выше чей-то стон взлетает.
 Как сладко слышать, если мать поет.
 А я все слышу, как она рыдает.

* * *

Периферийные поэты,
 Мне вас порой бывает жаль,
 Что ни журналы, ни газеты
 Никем из вас не дорожат.

Ведь, чтоб проникнуть на страницу
И чтоб попасть хоть как в тираж,
О, сколько ушли в столицу,
Чтобы потом уйти в мираж.
Какая все же свистопляска!
Неужто нету ей конца?
Сиюминутная огласка —
Не достояние певца.
Периферийные поэты,
В тоске, в неизвестности, в огне,
Все песни, честно коль пропеты,
Навек достанутся стране.

* * *

Усталый, после долгих дум,
В свое село, в свое спасение
Вернуться мне пришло на ум.
А так ли надо возвращение?

К кому приду? Зачем приду?
Там нет ни хаты, ни сарая.
Покой в любой земле найду.
Она везде, земля, сырая...

* * *

Буду дедом с бороною,
Будет память угасать.
Будут внуки над водою,
Как кузнечики, плясать.
Будут радоваться лету,
Будут бегать по песку.
Вдруг увижу — места нету
В этой жизни старику.
А зачем я был на свете?
А зачем сгорал в огне?
Все затем, чтоб жили дети
И не знали обо мне?..
Непривычно отражаться
Будет в речке борода.
Непривычно продолжаться
Кем-то в мире... Вот беда...

* * *

Уходит в берега река
В момент душевного разлива.
И верится — жизнь справедлива,
Ни облачка, ни ветерка.

Мой нежный край, вливай в меня
Свои живительные соки,
Чтоб на отведенные сроки
Тепла хватило и огня.

Пора понять, что не в цене
Признанья без душевной шири
И что оправдана вполне
Святая жажда счастья в мире.

* * *

Стародавняя хата...
Пахнет зимней сосной.
Ивы в белых халатах
Над рекою больной.

Сколько ни философствуй,
Только видно одно:
У реки пересохшей
Обнаженное дно.

Меж двумя берегами
Снег летит, как шрапнель.
А над речкой ночами
Все рыдает метель...

* * *

Скоро ветер ударит осенний,
Засвистит и завоюет в степи.
И привыкну я к жизни оседлой,
Как собака к цепи.

Будут дымы лететь по яругам,
Будет поезд далекий греть.
Займешь бы хорошего друга...
Хорошо бы его займешь.

Что ж, приехали. Время и слазить.
Эко, нужно ль о прошлом жалеть!
Все труднее с кручиною сладить,
Все труднее печаль одолеть...

Только тучи повисли над бором,
Только ивы над речкою — в ряд.
И цветы в палисаднике скоро
Отшумят, отцветут, отгорят...

Те тяготы, боли и беды
Ушли в бесконечность, во мрак.
Сорвались в какие-то бездны,
Распались в каких-то мирах.

Их нету ни рядом, ни дальше,
На той вон тропе у пруда,
И жить тебе юно. И даже
Не давят на плечи года.

И дни до заката — бесценны.
Зачем же у тихой воды
Опять разверзаются бездны
Для выдоха новой беды?

* * *

Не пойти ли в лес да искать грибы?..
Хватит счастье искать мне, хватит.
Хватит мне уезжать от родной избы,
Хватит сердце и молодость тратить...
Хватит.

Белый гриб — он растет после теплых дождей,
После теплых дождей бедовых.
Подымается гриб — начинается день,
Свет струится средь веток сосновых.

Может, легче мне станет от долгой ходьбы,
От ходьбы терпеливой, упрямой?
Хорошо было с мамой ходить по грибы.
Как в лесу хорошо было с мамой!..

К злой судьбе своей я давно привык.
Это плохо, видать... Я знаю...
Стал я тише воды, стал я ниже травы —
Тосковать стал по отчему краю...

Вот иду, иду — лопухи в лесу.
За деревьями — паутина.
И корзину я за спиной несу.
И пустая моя корзина.